

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. Э. Бармина

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Опыт гендерного анализа

Современная гендерная теория не пытается оспорить различия между женщинами и мужчинами, полагая, что не так важен сам факт различия, как их социокультурная оценка и интерпретация. Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и гендерные модели поведения задаются не природой, а предписываются культурными традициями и институтами социального контроля, гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему отношений господства/подчинения во всех сферах. В этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной и культурной иерархии [см.: Репина, 1998].

Право наиболее полно определяет социальный статус полов, их имущественные характеристики и, следовательно, отражает наличествующую гендерную систему в ее нормативном преломлении. Оно может быть рассмотрено как технология производства и воспроизводства гендерных стереотипов, категорий и дискурсов, что позволяет осмыслить его не только в бинарной связи с государством, но и в контексте власти вообще [см.: Бородина, 2005].

Анализ византийской правовой культуры позволяет проследить динамику развития гендерных стереотипов на протяжении тысячелетия. Исходя из того, что право во многом определяет набор элементов «гендерного дисплея», целесообразно сосредоточиться на выявлении специфики норм поведения женщин и мужчин, предписываемых им обществом и государством. С нашей точки зрения, изучение системы права, в частности средневековой, сквозь призму гендера не может

быть ограничено только его матримониальными разделами. Безусловно, гендерный аспект культуры общества и личности наиболее ярко проявляется в институтах брака и семьи, в повседневной жизни индивидов. Однако помимо семейного законодательства необходимо исследование норм публичного права — уголовного, имущественного и административного законодательства.

Становление правовой культуры Ромейской державы развертывалось на базе развитой системы античной юриспруденции. Влияние классического права особенно ощутимо в ранний период существования империи (IV—VII вв.), что нашло отражение не только в их принципах, но и в форме юридических сочинений (например, сентенции), их названиях (Дигесты, Институции, Парафраза) [см. об этом: Липшиц, 1984].

Следует учесть, что оформление правовых представлений определялось действием еще ряда факторов. Империя отличалась этнической «пестротой»; кроме того, в IV—VI вв. произошли серьезные изменения в социально-экономической и политической сферах. В результате, важнейшим источником права послужило обычное право народов, включенных в состав Византийской империи. Препятствия система права была вынуждена адаптироваться к этому. Процесс взаимопроникновения правовых систем, диффузии различных представлений о дозволенном и табуируемом приводят к появлению совершенно новых правовых норм, не известных римскому законодательству. Родилась новая форма юридических актов — Кодексы.

В первый официальный свод законов — Кодекс Феодосия (438 г.) — вошли законы, изданные восточно-римскими императорами начиная с Константина. В VI в. был сделан значительный шаг на пути кодификации византийского законодательства — введен в действие огромный свод «*Corpus iuris civilis*». Он состоял из четырех частей: 1) Кодекс Юстиниана — собрание указов императоров (529 г.); 2) Дигесты — извлечения из сочинений римских юристов, расположенные в соответствии с определенным порядком (конец 533 г.); 3) Институции — официальный учебник гражданского права (533 г.); 4) Новеллы — указы Юстиниана, вышедшие позднее 534 г. и систематизированные уже после его смерти. Таким образом, в Юстиниановом Корпусе нашло свое выражение «пересечение» гендерных систем, существовавших в позднеантичном обществе и среди этносов, вошедших в состав империи.

Византийская юриспруденция развивалась неравномерно, переживая периоды взлетов и спадов законодательной активности. Создание «*Corpus iuris civilis*» Юстиниана и последовавшее за этим толкование Дигест сменились стагнацией в «темные века». По мнению известного отечественного византиноведа И. П. Медведева, в эту эпоху право и законодательство разделили судьбы византийской культуры. На фоне колоссальной правотворческой деятельности предшествующих столетий исчезновение достойных внимания нормативных памятников выглядит как время упадка [см.: Медведев, 1989].

VII — начало VIII в. в жизни Византии ознаменовались войнами и повсеместным расселением варваров на территории империи, экономическим упадком и фор-

мированием новой социально-экономической системы. Ослабление и дезорганизация центральной власти в VII в. завершились ее усилением с приходом Исаурийской династии в начале VIII в. Кроме того, значительно возросло влияние церкви и монашества. Стремление централизовать власть, характерное для основателя династии Льва III (717—741 гг.), привело к открытому столкновению светской и религиозной властей в Византии (период иконоборчества). В результате церковь подчинилась василевсу. Вместе с тем перед ними стояла общая задача — христианизация варваров, составлявших значительную часть населения государства [см.: Литаврин, 1989].

Потребовалось внести изменения в законодательство, так как оно не отвечало изменившимся условиям. Политические и административные цели правящей династии, необходимость внедрения христианских норм в среду варварского народов обусловили издание первого после Корпуса Юстиниана законодательного свода — Эклоги (726 или 741 г.). Она оказала существенное влияние не только на развитие византийского законодательства, но и на правовые документы стран «византийского круга», в частности Древней Руси. Так, ряд статей Эклоги был включен в пространную редакцию Русской Правды.

Однако, как справедливо отмечает Е. П. Липшиц, Эклога не имела такого всеобъемлющего характера, как законодательство Юстиниана: в ней практически не уделялось внимания вопросам собственности, аграрного законодательства и др. В связи с этим считается, что наличие Эклоги не исключало возможности использования судьями свода Юстиниана для решения и разъяснения дел [см.: Липшиц, 1981]. В то же время вопросы матримониального права освещены в Эклоге с максимальной подробностью и детализацией. В отличие от Дигест Юстиниана, транслирующих позднеантичное мирозерцание, Эклога пронизана христианскими нормами морали и нравственности [см.: Hunger, 1967].

Содержание правовых норм Эклоги свидетельствует не только о произошедших политико-идеологических метаморфозах, но и о гораздо более глубоких трансформациях общественного сознания и мировосприятия. На наш взгляд, Эклога формулирует новую — христианскую — гендерную систему, пришедшую на смену позднеантичной.

К середине VIII в. Эклога, в которой было большое количество правовых лакун, затруднявших ее использование, была дополнена рядом документов: Приложение к Эклоге, Земледельческий, Морской, Военный и Моисеев законы. Элементы нового законодательства носили совершенно самостоятельный характер и были плохо связаны друг с другом. Это осложнило юридическую практику в империи, а кроме того, продолжали действовать некоторые положения предшествующего законодательства.

Поэтому во второй половине IX в. проводится очередная правовая реформа, вызвавшая к жизни появление грандиозного законодательного собрания Василик и Исагоги (Эпаногоги) — компактного, общедоступного справочника, в котором было сосредоточено все необходимое для отправления правосудия. Систематизация юридических норм выявила несоответствие старых законов установившимся

обычаям. Именно как попытку примирить закон и обычай можно рассматривать издание новелл Льва VI [см.: Липшиц, 1981]. Несмотря на то, что самим законодателем постоянно подчеркивалось пренебрежительное отношение к Эклоге, большинство норм в области матримониального права повторяли законоположения предшествующего законодательства. Законы императоров Македонской династии (IX—XI вв.) — последняя веха в истории крупномасштабного правотворчества в Византии [см.: Медведев, 1989].

Палеологовская эпоха (XIII—XV вв.) не оставила потомкам величественных памятников права, подобных Корпусу Юстиниана или Василикам, но после нее сохранилось большое количество разнообразных актовых материалов. Они свидетельствуют об активном применении ранее вышедших законоположений, касающихся частного, имущественного и матримониального права. На наш взгляд, это указывает на устойчивость гендерной системы, сложившейся еще в VIII в.

Перейдем от краткой характеристики основных законодательных источников к непосредственному рассмотрению гендерного аспекта правовой культуры византийского общества.

Согласно Дигестам Юстиниана в браке супруг имел право на распоряжение и даже отчуждение некоторой части собственности своей супруги, но приданое находилось на «риске мужа», т. е. он нес ответственность перед законом за целостность имущества жены. В случае развода жена могла вернуть себе все приданое. В более поздний период государство также продолжало стоять на защите прав свободной женщины. По данным Эклоги, если у мужа были финансовые проблемы и после его смерти оставались долги, то кредиторы не имели права войти в дом, пока вдова не восполнит своего приданого. Таким образом, за кредитоспособность мужа жена не несла никакой ответственности своим имуществом.

Стремление оградить от посягательств имущественные права жены и матери прослеживаются и в законодательстве Льва VI. Новелла 110 предписывала женщинам после прекращения брака составить инвентарную опись имущества, благодаря которой они могли защищать свои законные права, если они были нарушены.

В Эпаногге Василия Великого четко выделяются три случая, когда жена могла распоряжаться своим приданым: 1) для содержания себя, мужа и детей; 2) для купли приличной земли; 3) для поддержания своего отца, находящегося в изгнании. К XIV в. женщина получила гораздо больше возможностей взять на себя управление приданым, чем раньше. Закон утрачивает свой покровительственный характер при Палеологах, и женщины уравниваются с мужчинами в правах наследования.

Следует подчеркнуть, что сами мужчины требовали наделить своих жен правами наследования (имением, вотчиной) вместо приданого. Это способствовало развитию инициативности женщин в экономической сфере. Приданое стало вкладываться как капитал в такие сугубо «мужские» занятия, как ремесло и торговля. Особенно активно этим занимались представительницы высших сословий.

В области брачно-семейного права также проявляется тенденция к уравниванию прав мужа и жены. Так, жена имела возможность развестись с мужем по фи-

зиологическим причинам, а для мужчин такого повода не предусматривалось. Статья 15 Эклоги гласит: «Если мужчина в течение трех лет оказывался неспособным к брачному сожителству, то женщина имеет полное право на развод». Это законоположение имело долгую жизнь, подтверждение тому встречается в судебных постановлениях времен Иоанна Апокавка. Вместе с тем практика расторжения брака из-за бесплодия женщины, судя по всему, также имела место.

По нашему мнению, среди преступлений, связанных с сексуальным поведением, могут быть выделены три группы: 1) преступления против церкви; 2) преступления против нравственности; 3) преступления против брака. Наказания за них демонстрируют определенные гендерные стереотипы (табл.).

Культурные механизмы тесно связывают право и мораль между собой. Уже в Дигесты Юстиниана вводится норма о «пользующихся дурной славой», которым запрещено выступать в суде. Речь идет о людях, чьи занятия («выступление на сцене для увеселения людей или для декламации, сводничество») или поведение (осужденные государственным судом за преступления, увольнение из войска «за позорные поступки», заключение брака в течение обычного срока траура) осуждаются обществом и государством [см.: Дигесты Юстиниана, 1984, 69]. Порицание ведет к тому, что показания таких людей не заслуживают доверия суда. Обращает на себя внимание отсутствие половой дифференциации в данном вопросе, ведь «дурной славой» может обладать как мужчина, так и женщина. Подобное «равноправие» обусловлено тем, что наказания за преступления производятся без различия полов [см.: Там же, 51].

При этом в ранневизантийском законодательстве ясно прослеживаются гендерные различия в отношении норм поведения. В Книге 22 Дигест содержится четкий запрет свидетельствовать в суде настоящим или бывшим проституткам, а также женщинам, замеченным в прелюбодеянии [см.: Там же, 365—366]. Следовательно, человек, поведение которого не соответствует общепринятым нормам морали и этики, поражается в правах. Законодатели не скрывали своего отрицательного отношения к открытому проявлению сексуальности, на что указывают не только правовые нормы, но и используемые формулировки: «женщины, живущие постыдно», «позором заклеялены те женщины, которые живут постыдно и продают себя, хотя бы и не открыто» [Там же, 373]. Такие женщины не имели достоинства матери семейства и лишались поддержки общества.

Со свойственной этому правовому своду скрупулезностью и детализацией, в Дигестах разводятся понятия женщины, «живущей постыдно», и проститутки. Из того же титула вытекает, что под проституцией понималась открытая продажа себя женщиной без различия, выбора с ее стороны. К этому разряду не относится «та женщина, которая совершила прелюбодеяние или вступила во внебрачную связь».

Подчеркнем, что презрение к неодобряемому поведению не знало социальных преград. Так, представительницам сенаторского сословия было строжайше запрещено выходить замуж за вольноотпущенников [см.: Там же, 372]. Но если дочь сенатора опускалась до проституции, развращения других или уголовного преступ-

ления, то она могла это сделать [Дигесты Юстиниана, 1984, 374]. Очевидно, неподобающее поведение приводило в том числе и к потере социального статуса.

Таким образом, нарушение сложившихся моральных принципов и гендерных стереотипов в отношении женщины не только порицалось обществом, но и было чревато лишением гражданских прав и сословных привилегий.

В то же время сожителство свободного мужчины и свободной женщины, даже не освященное церковью, рассматривалось в законодательстве Юстиниана как брак, а не как конкубинат (при условии, что женщина не торгует своим телом) [см.: Там же, 372]. Благодаря этому женщина не лишалась гражданских и имущественных прав.

В византийском законодательстве выделялось несколько неблагоприятных проступков, за совершение которых не только женщин, но и мужчин ожидало неотвратимое наказание. Например, дети мужского и женского пола могли быть лишены наследства. Мужчины — в случае вступления в связь с мачехой или конкубиной отца, женщины — при отказе вступить в законный брак по воле родителей и предпочтении «позорного образа жизни» [Эклога, 1965, 55]. Однако в источнике отсутствует внятное разъяснение того, что подразумевается под ним. Возможно, это сексуальные связи вне брака либо вступление в брак без благословения родителей.

Столь же неясно понятие «разврат», используемое в Эклоге. Следует отметить, что данный проступок, в отличие от других, пресекался не поражением в правах, а физическим наказанием. Так, женатый мужчина за разврат получал 12 ударов плетью, а холостой — 6 ударов [см.: Там же, 69]. Порицалась также и связь женатого мужчины со своей рабыней, что, видимо, не приравнивалось к разврату. Данному деянию посвящена отдельная статья, согласно которой рабыня должна быть продана за пределы провинции, а вырученная стоимость передается в ведомство казны [см.: Там же, 70].

В рамках одной статьи невозможно провести полный анализ гендерной составляющей византийской правовой культуры. Тем не менее изучение законодательства, одобряющего или порицающего те или иные поступки мужчин и женщин, позволило выявить характер сложившихся в византийском обществе гендерных стереотипов. Они формировались под влиянием норм римского права, традиционных и «варварских» моделей поведения, христианской морали. В качестве наиболее аморальных преступлений выступали действия, расцениваемые ромеями как поругание церкви, разврат и растление.

Бородина А. В. Некоторые результаты анализа учебников по правоведению // Пол и гендер в науках о человеке и обществе / Под ред. В. Успенской. Тверь, 2005. С. 141—150.

Дигесты Юстиниана. М., 1984.

Литишц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии IX—XI вв. М., 1981.

Литишц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.

Литишц Е. Э. Юридические школы и развитие правовой науки // Культура Византии, IV—VII вв. М., 1984. С. 358—370.

Литавин Г. Г. Византийская империя во второй половине VII—XII вв. // Культура Византии, VII—XII вв. М., 1989. С. 11—35.

Медведев И. П. Развитие правовой науки // Культура Византии, VII—XII вв. М., 1989. С. 75—104.

Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Соц. история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 5—23.

Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Пер. и ком. Е. Э. Липшиц. М., 1965.

Hunger H. Byzantinische Familie // Österreichische Archiv für Kirchengeschichte. Wien, 1967. Bd. 18, nr. 3. S. 305—323.

Е. А. Калужникова

ПАЛОМНИЧЕСТВО КАК РИТУАЛ

Паломничество, зародившееся в глубокой древности в религиозной практике разных народов, приобрело к рубежу XX—XXI вв. всемирные масштабы как одна из сложных форм современной социально-культурной жизни, не ограниченная сферой религии.

В последние годы этот культурный феномен привлекает внимание культурологов, историков, теологов, специалистов по туризму. Но, как ни парадоксально, в публикациях крайне фрагментарно отражен **р и т у а л ь н ы й**, по сути — ключевой, аспект паломнических путешествий. Вместе с тем изучение различных материалов приводит к выводу о наличии генетических связей паломничества с ментальными основами и ритуальной практикой политеистических и монотеистических религий. В силу этого целесообразно рассматривать данное явление сквозь призму **т е о р и и и и с т о р и и р и т у а л а**.

Паломничество трактуется разными авторами на стыке двух социально-культурных сфер — собственно паломнической практики, понимаемой как область религиозных путешествий, и туризма. В связи с этим ему предпосылаются разные термины: «паломничество», «паломнический туризм», «религиозный туризм», «духовно-паломнический туризм» и т. п.

В фокусе нашего рассмотрения находится именно **п а л о м н и ч е с т в о**, поэтому для нас важно отделить его от других родственных форм путешествий. Сделать это возможно, определив сущность изучаемого явления и опираясь на значение соотносимых с ним терминов.

Сущностью паломничества (как религиозного, так и в светского), обособляющей его от других видов путешествий, является наличие в содержательном и формальном аспектах **с а к р а л ь н о г о н а ч а л а**.

Сакральное является ядром плана содержания в паломническом ритуале. Наиболее раннее понимание данной категории сложилось в теологии, где ее содержание соотносится с различными проявлениями Божественного начала. Однако су-